

ОРЛОВСКІЯ

Епархіальныя Вѣдомости.

3-го сентября № 36. 1906 года.

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Наше духовенство въ изображеніи А. П. Чехова.

Одною изъ характерныхъ чертъ творчества Чехова является, по замѣчанію современной критики*), тоска по идеалу, такъ трудно достижимому въ скорбной юдоли земной и такъ скрашивающему намъ скудость и убожество нашего ничтожнаго существованія. Тотъ путеводный огонекъ, какой ведетъ насъ къ пристани, освѣщаетъ тернистый путь земли и дѣлаетъ осмысленнымъ наше бытіе, — почившимъ художникомъ отмѣчался, какъ идейная черта жизни, безъ которой послѣдняя теряетъ свой смыслъ. Чеховъ вдумчиво и тщательно анализировалъ всю безтолковщину обыденщины, задавался вопросомъ, чѣмъ живъ человѣкъ въ постигающихъ его испытаніяхъ, и съ глубокой грустью констатировалъ печальный фактъ отсутствія у насъ той руководящей идеи, которая опредѣляла бы, въ чемъ наше высшее назначеніе. „Власть земли“, т. е. роковое сдѣленіе цѣлой массы ненужныхъ, часто бессмысленныхъ мелочей, окружающихъ ежеминутно обывателя, и составляетъ обычно обстановку его повседневнаго существованія. Не нужно много распространяться о томъ, какъ эта паутина, опутывающая насъ, снижаетъ личность, понижаетъ цѣнность интересовъ, парализуетъ волю, — на каждомъ шагу достаточно примѣровъ, иллюстрирующихъ эту мысль.

Внимательнымъ взоромъ Чеховъ изслѣдовалъ различныя области жизни, гдѣ такъ осязательно отсутствіе „живого Бога“, и далъ намъ поразительно-грустную картину безсердечности человѣческихъ отношеній и вырожденія совѣсти. Художникъ постоянно подчеркиваетъ, какъ мало у насъ простоты, искренности, желанія пойти на встрѣчу другому, мало безхитростнаго участія въ судьбѣ ближняго, безкорыстнаго стремленія внести тепло, радость и свѣтъ въ прозябаніе окружающихъ. Пошлость пошлаго человѣка, о которой скорбѣлъ великій Гоголь, давить всѣхъ и все и даетъ себя чувствовать всюду. — Естественно поинтересоваться — какое же мѣсто отводитъ покойный писатель въ своихъ „исканіяхъ правды“ нашему духовенству и какими красками рисуетъ онъ представителей этого класса, его бытъ, идеалы.

*) Венгеровъ.

Чеховъ удѣляетъ духовенству въ своихъ разсказахъ небольшое мѣсто; произведеній, посвященныхъ исключительно различнымъ вопросамъ этого быта, почти нѣтъ, если не считать разсказа „Архіерей“. Неудивительно поэтому, что жизнь пастырства только затронута имъ,—нѣкоторые представители ея эпизодично обрисованы; нѣтъ достаточно глубокаго анализа бытовыхъ условій, создающихъ коренныя особенности духовенства, многое осталось невыясненнымъ. И при всемъ томъ, какъ писатель-психологъ, прекрасно понимавшій, насколько важны для характеристики извѣстнаго явленія общія условія, при которыхъ оно существуетъ,—Чеховъ далъ намъ нѣсколько цѣнныхъ указаній на то, каковы недостатки быта духовенства. Немногими штрихами—мѣстами, впрочемъ, достаточно выразительно и живо—онъ отмѣчаетъ, какъ неприглядны бытовыя условія служенія нашихъ пастырей и какъ мало соответствуютъ они (условія) высшимъ идеаламъ. Въ этомъ отношеніи интереснымъ представляется его разсказъ „Кошмаръ“, набросанный съ свойственной Чехову экспрессіей рисунка и рекомендующей, чтобы мы были осмотрительнѣе въ своихъ сужденіяхъ о другомъ. Предъ нами—молодой сельскій батюшка, невзрачной наружности, съ грубыми манерами. „Въ лицѣ о. Якова было оч. много бабьяго: вздернутый носъ, ярко красныя щеки и большіе сѣро-голубые глаза съ жидкими, едва замѣтными бровями. Длинные, рыжіе волосы, сухіе и гладкіе, спускались на плечи прямыми палками. Усы еще только начинали формироваться въ настоящіе, мужскіе усы, а борода принадлежала къ тому числу никуда негодныхъ бородъ, который у семинаристовъ почему то называется скоташьемъ: рѣденькая, сильно просвѣчивающая; погладить и почесать ее гребнемъ нельзя, можно развѣ только пощипать... Вся эта скудная растительность сидѣла неравномѣрно, кустиками, словно о. Яковъ вздумалъ загримироваться священникомъ и, начавъ приклеивать бороду, былъ прерванъ на половинѣ дѣла. На немъ была ряска цвѣта жидкаго, цикорнаго кофе, съ большими латками на обоихъ локтяхъ“. На помѣщика Кунина батюшка, конечно, производитъ крайне невыгодное впечатлѣніе. „Странный субъектъ“, подумалъ онъ, глядя на его полы, обрызганныя грязью:

приходить въ домъ первый разъ и не можетъ приличнѣе одѣться“. „Никакъ не могъ подумать Кунинъ, что на Руси есть такіе несолидные и жалкіе священники, а въ позѣ о. Якова, въ этомъ держаніи ладоней на колѣняхъ и въ сидѣніи на краешкѣ ему видѣлось отсутствіе достоинства и даже подхалимство“. Когда помѣщикъ пустился въ разсужденія о церковно-приходской школѣ, имѣвшей открыться въ селѣ, и выразилъ горячее желаніе стать ея попечителемъ,—лицо о. Якова было безстрастно, неподвижно и ничего не выражало, кромѣ застѣнчивой робости и безпокойства. Глядя на него, можно было подумать, что Кунинъ говорилъ о такихъ мудреныхъ вещахъ, которыхъ о. Яковъ не понималъ, слушалъ изъ деликатности и притомъ боялся, чтобы его не уличили въ непониманіи“. „Малый, какъ видно, не изъ умныхъ, подумалъ Кунинъ,—не въ мѣру робокъ и глуповатъ“. Особенно странною показалась помѣщику та необычная жадность, какую обнаружилъ о. Яковъ во время чаепитія, и его привычка прятать въ карманы сухари. Соотвѣтственно со всѣмъ этимъ Кунинъ дѣлаетъ о немъ такое заключеніе: „какой странный, дикій человѣкъ! Грязень, неряха, грубъ, глупъ и, навѣрное, пьяница. Боже мой, и это священникъ, духовный отецъ! Это учитель народа! Воображаю, сколько ироніи должно быть въ голосѣ діакона, возглашающаго ему предъ каждой обѣдней: „благослови, владыко!“ Хорошъ владыка! Хорошъ владыка, не имѣющій ни капли достоинства, невоспитанный, прячущій сухари въ карманъ, какъ школьникъ. Фи, Господи, въ какомъ мѣстѣ были глаза у архіерея, когда онъ посвящалъ этого человѣка? За кого они народъ считаютъ, если даютъ ему такихъ учителей?“ Впечатленіе это усилилось, когда Кунинъ посѣтилъ службу о. Якова, которая совершенно не вызывала соотвѣтствующаго настроенія и не позволяла сосредоточиться. „На малоросломъ іерее была помятая и длинная-предлинная риза изъ какой то потертой желтой матеріи. Нижній край волочился по землѣ... Когда о. Яковъ вошелъ въ алтарь и началъ обѣдню, то молитвенное настроеніе разсѣялось какъ дымъ. По молодости лѣтъ, попавъ въ священники прямо съ семинарской скамьи, о. Яковъ не успѣлъ еще усвоить себѣ опредѣленную манеру служить. Читая, онъ какъ будто выби-

раль, на какомъ голосѣ ему остановиться, на высокомъ тенорѣ или жидкомъ баскѣ; кланялся онъ неумѣло; ходилъ быстро, царскія врата открывалъ и закрывалъ порывисто. „Жалуются на паденіе въ народѣ религіознаго чувства—вдохнуль Кунинъ. Еще бы! Они бы еще больше понасажали такихъ поповъ!“ Мало по малу у помѣщика созрѣваетъ мысль избавить приходъ отъ такого ничтожнаго пастыря, и онъ готовитъ доносъ на него архіерею. „Онъ молодъ—писаль К.—недостаточно развитъ, кажется, ведетъ нетрезвую жизнь и вообще не удовлетворяетъ тѣмъ требованіямъ, которыя вѣками сложились у русскаго народа по отношенію къ его пастырямъ“. Вдругъ, совершенно неожиданно для него, изъ бесѣды съ о. Яковомъ открывается весь ужасъ положенія священника, вся вопіющая бѣдность его обстановки, создающая такой невыносимый трагизмъ и такъ краснорѣчиво говорящая, какъ много значать въ жизни человѣка мелочи его существованія. Къ стыду своему, Кунинъ убѣждается, что онъ былъ неправъ, заключая слишкомъ сурово и по внѣшнимъ только признакамъ о духовномъ складѣ о. Якова. Оказалось, что въ этомъ скромномъ невзрачномъ священникѣ было не только сознаніе своего долга, но и убѣжденность въ призваніи, желаніе помочь, чѣмъ можно, нуждавшемуся собрату. Последніе гроши отдаетъ онъ прежнему священнику, разсуждая такимъ образомъ: „куда же ему дѣваться? Кто его кормить станетъ? Не могу я допустить, чтобы онъ, при своемъ санѣ, пошелъ милостыню просить“. Наконецъ въ о. Яковѣ живо сознаніе того, что онъ далеко отстоитъ отъ идеала. Авторъ передаетъ намъ, какъ онъ бичуетъ себя въ одну изъ такихъ минутъ: „И зачѣмъ было такой санъ на себя принимать, ежели ты маловѣръ и если у тебя силъ нѣтъ? Я знаю, попроси я, поклонись—и всякій поможетъ, но я не могу!“ Какая рука подыметься просить у нищаго? А просить у кого побогаче, у помѣщиковъ—не могу—гордость! Совѣстно!“ Предъ помѣщикомъ—можетъ быть, чуть не впервые—предсталъ съ неотразимою настоятельностью вопросъ, насколько трудно и отвѣтственно служеніе священника и какъ не легко удержаться, при современныхъ условіяхъ, на той высотѣ, на какой онъ долженъ быть. Кунинъ вспоминалъ, какъ этого

самаго о. Якова, котораго, по собственному его признанію, „голодь замучилъ“, онъ ставилъ ни во что и готовилъ доносить на него, и ему стало совѣстно „предъ собой и предъ невидимой правдой“. Одинъ изъ „черезчуръ сытыхъ и не разсуждающихъ“ людей получилъ полезный урокъ на счетъ того, какъ далеки мы иногда отъ правды жизни, не давая себѣ даже труда узнать—что же она представляетъ собою, эта правда-то...

Несомнѣнно, что въ настоящемъ разсказѣ Чеховъ, для усиленія впечатлѣнія, сгустилъ краски и нарисовалъ картину, далеко не типичную. Такая тенденціозность художественнаго творчества вполне законна и ничуть не заслоняетъ, въ данномъ случаѣ, основной мысли разсказа, который вполне достигаетъ своей цѣли—рисуетъ намъ истину въ неприкрашенномъ видѣ. И мы ясно видимъ, насколько виноваты о. Яковъ въ томъ, что онъ именно таковъ.

Сложившіеся исторически условія служенія нашего паствы далеко не изъ благоприятныхъ и, зачастую, содѣйствуютъ паденію священника, низводя его изъ служителей духа и истины въ ряды грубыхъ ремесленниковъ, для которыхъ дороги интересы низшаго качества—внѣшнее обезпеченіе и комфортъ сытаго человѣка. Среди вѣчной погони за кускомъ хлѣба, въ безпрестанной заботѣ объ удовлетвореніи низменныхъ стремленій и нуждъ трудно, конечно, не опуститься, не забыть тѣхъ идеаловъ, которыми согрѣвается пастырская дѣятельность. Печальные примѣры, подтверждающіе справедливость этого положенія, на глазахъ у cadaго. Выводить предъ нами и Чеховъ такихъ „требоисправителей“, хотя и не отбѣняетъ достаточно значенія условій, создающихъ подобные характеры. Вотъ предъ нами о. Анастасій („Письмо“). Авторъ такъ описываетъ внѣшній видъ его: „не смотря на санъ и почтенные годы что-то жалкенькое, забитое и униженное выражали его красные мутноватые глаза, сѣдые съ зеленымъ отливомъ косички на затылкѣ и большія лопатки на тощей спинѣ. Онъ молчалъ, не двигался и кашлялъ съ такою осторожностью, какъ будто боялся, чтобы отъ звуковъ кашля присутствіе его не стало замѣтнѣе“. Создавшіеся наклонности и поведеніе его свидѣлствуютъ, что онъ далеко уклонилъ

ся отъ истиннаго своего назначенія. „За нимъ числилось много грѣховъ. Онъ велъ нетрезвую жизнь, не ладилъ съ причтомъ и міромъ, небрежно велъ метрическія записи и отчетности, въ этомъ его обвиняли формально. Но кромѣ того еще съ давнихъ поръ носились слухи, что онъ вѣнчалъ за деньги недозволенные браки и продавалъ пріѣзжающимъ къ нему изъ города чиновникамъ и офицерамъ свидѣтельства о говѣніи“. Какія причины способствовали образованію такихъ несимпатичныхъ качествъ въ немъ? По видимому—тѣже роковыя условія, которыя заставляють священника вести вѣчную борьбу за копеечное существованіе. Онъ былъ бѣденъ, имѣлъ девять человѣкъ дѣтей—неудачниковъ, жившихъ у него, и очутился подъ „властью дѣйствительности“ *). Роковые пороки заглушають въ немъ добрые навыки; страсть къ вину проявляетъ себя даже въ великую субботу, когда о. Анастасій умоляетъ благочиннаго (у котораго онъ по дѣлу) „продлить милость—дать ему на прощанье рюмку водки“. Нечего прибавить къ безотрадной характеристикѣ этого жалкаго предстоятеля церкви.

Проза жизни, впрочемъ, не заглушила въ немъ природной доброты сердца. Это качество особенно выгодно выдѣляется при сопоставленіи о. Анастасія съ о. Теодоромъ (благочиннымъ), человѣкомъ сухимъ, рекомендующимъ своему діакону вмѣсто снисхожденія къ сыну мѣры строгости и суроваго осужденія. Но такое отношеніе вызываетъ порицаніе со стороны о. Анастасія, совѣтующаго воспользоваться лучше кротостью, чѣмъ прещеніемъ. „Ежели отецъ родной не проститъ—говоритъ онъ—то кто же проститъ? Такъ и будетъ, значить, безъ прощенія жить? Наказующіе и безъ тебя найдутся, а ты бы для родного сына милующихъ поискалъ“...

Не можетъ привлечь наши симпатіи и герой разсказа „Степь“ о. Христофоръ. Пастырство какъ-то мало захватило его собою, и онъ всю жизнь не подумалъ о томъ, чтобы войти въ свое служеніе не формально только, но и душой.

*) Вотъ почему онъ производилъ впечатлѣніе скорѣе „униженнаго, оскорбленнаго, несчастнаго“ человѣка, котораго трудно упрекнуть за то, что онъ не сумѣлъ устроиться въ жизни. „Запутался я—признается онъ—и нѣтъ мнѣ спасенія!“

Прилѣпившись сердцемъ къ міру, онъ не зналъ ни одного дѣла, которое бы увлекло его идейно; онъ вездѣ цѣнилъ лишь возможность имѣть общеніе съ другими и работать „на міру“, въ обстановкѣ общей суеты. Такъ, въ настоящей поѣздкѣ въ городъ для продажи шерсти, „его интересовали не столько шерсть и цѣны, сколько длинный путь, дорожные разговоры, спанье подъ бичикомъ, ѣда не во время. Влажными глазами (такъ какъ, не смотря на раннее утро, онъ выпилъ) удивленно глядѣлъ о. Христофоръ на міръ Божій и улыбался такъ широко, что, казалось, улыбка захватывала даже поля его цилиндра“. Совсѣмъ необычно рисуетъ художникъ его отношеніе къ своимъ обязанностямъ. Читая ежедневно на молитвѣ каѳизмы, онъ, по словамъ автора, исполнялъ это какъ-то совершенно механически: „цѣлую четверть часа стоялъ неподвижно лицомъ къ востоку и шевелилъ губами... Послѣ каждой славы онъ втягивалъ въ себя воздухъ, быстро крестился и намѣренно громко, чтобы другіе крестились, говорилъ трижды: аллилуйа... Наконецъ онъ улыбнулся, поглядѣлъ вверхъ на небо и, кладя псалтирь въ карманъ, говорилъ: fini“. Чеховъ ничего не говоритъ намъ, какъ о. Христофоръ относился къ своей паствѣ, но уже изъ сказаннаго можно заключить, что это былъ за священникъ. Слѣдующая тирада изображаетъ намъ самодовольный взглядъ его на свое назначеніе и ясно говоритъ, чего мы можемъ ожидать отъ него: „живу съ своей попадѣю потихоньку“, разсуждаетъ онъ, кушаю, пью да силю, на виучать радуюсь, а больше мнѣ ничего не надо. Какъ сыръ въ масле катаюсь и знать никого не хочу. Отродясь у меня никакого горя не было, и теперь, ежели бы, скажемъ, царь спросилъ: что тебѣ надобно? Чего хочешь? Да ничего не надобно! Все у меня есть и все слава Богу. Счастливіе меня во всемъ городѣ человѣка нѣтъ. Только вотъ грѣховъ много, да вѣдь и то сказать, одинъ Богъ безъ грѣха“. Во сколько разъ этотъ упитанный, преисполненный самоуслажденіемъ пастырь неизмѣримо ниже скромнаго, смиреннаго о. Якова („Кошмаръ“), мучающагося сознаніемъ, что онъ не въ силахъ осуществить евангельскіе завѣты! А о. Христофору, видимо, не до того, — ему хорошо живется, и совѣсть ни разу не сказала, что сытое самодовольство — плохой признакъ истинна-

го счастья... Онъ не думаетъ, что священнику меньше всего приходится хвалиться тѣмъ, отъ чего нѣтъ никакой пользы его духовнымъ чадамъ...

Эпизодическими чертами, но, въ общемъ, въ такомъ же видѣ изображенъ дьяконъ Побѣдовъ („Дуэль“), натура лѣнивая и легкомысленная, отдающій досугъ обыкновенно уженью рыбы. Иногда, впрочемъ, онъ разнообразилъ свои занятія—бралъ гитару и пѣлъ тонкимъ голосомъ: отроки семинарстіи у кабака стояху... Онъ любилъ изыскивать различные предлоги въ оправданіе своей мнимо-вынужденной праздности: неопредѣленность положенія—говорилъ онъ—значительно способствуетъ апатичному состоянію людей. На время ли меня сюда прислали или навсегда—Богу одному извѣстно, я здѣсь живу въ неизвѣстности и, признаться, отъ жары мозги раскисли“... Въ службѣ его привлекаетъ особенно вышняя сторона. Интересны, напр., его размышленія о крестномъ ходѣ: „...поютъ пѣвчіе, ревутъ дѣти, кричатъ перепела, заливаются жаворонки. Вотъ остановились и покропили св. водой стадо. Потомъ закуска, разговоры“...—Иногда ему почему-то представлялось, что его постригаютъ въ монахи. Спустя немного онъ архимандритъ, а потомъ архіерей. „Онъ служитъ въ кафедральномъ соборѣ общѣ; въ золотой митрѣ, съ панагіей выходитъ на амвонъ и, осѣняя массу народа дикиріемъ и трикиріемъ, возглашаетъ: призи съ небесе, Боже... А дѣти ангельскими голосами поютъ: Св. Боже“... Очевидно, онъ мало возвышался надъ заурядною стороною дѣйствительности и, если бы даже осуществились его мечты, едва ли кому принесетъ пользу.

Выводить предъ нами Чеховъ и представителей низшей степени клира, но изображеніе ихъ дается въ каррикатурномъ видѣ и довольно поверхностно, почему мы и не касаемся ихъ*).

Болѣе симпатичными чертами, гораздо цѣльнѣе обрисованъ представитель чернаго духовенства въ разсказѣ „Архіерей“, провикнутомъ задушевностью и тихой грустью

*) Въ такомъ же духѣ отчасти изображеніе духовенства въ разсказѣ „У предводительши“, нѣкоторыя замѣчанія по тому же предмету въ другихъ очеркахъ, не дающія полного и яркаго—относительно—представленія о бытѣ этого сословія.

и невольно приковывающѣмъ къ себѣ вниманіе читателя. Остановимся на немъ подробно.

Авторъ даетъ намъ довольно яркую характеристику духовнаго склада Преосвященнаго Петра и отмѣчаетъ одну хорошую черту его сердца—простоту отношенія къ другимъ, желаніе быть *человѣкомъ*, а не чиновникомъ, и видѣть въ другихъ искреннее и довѣрчивое отношеніе къ себѣ. Ласково относится онъ къ пріѣхавшей матери, не скрываетъ своей любви къ ней и „нѣжно гладить ее по плечу и рукъ“. Къ глубокому сожалѣнію, онъ не находитъ такой же сердечности обращенія у нея,—сынъ-архіерей сталъ для матери предметомъ подбострастныхъ отношеній и его присутствіе настраиваетъ ее на официально-почтительный тонъ. Преосвященному трудно понять, „откуда у нея эта почтительность, робкое выраженіе лица и голоса, зачѣмъ оно, и не узнавалъ онъ матери. И ему было грустно и досадно“...

Въ отношеніяхъ общественно-служебныхъ Преосвященнаго поражаетъ присутствіе ненужнаго формализма, совершенно затемнявшаго суть дѣла. Все то, что выступаетъ обыкновенно на первое мѣсто, не имѣя на это права, вся пустота, мелкость того, „о чемъ просили, о чемъ писали“, бросалась ему въ глаза, и невольно возникалъ вопросъ: кому и для чего это нужно? И, какъ обыкновенно бываетъ, люди видѣли все цѣнное содержаніе именно въ этомъ ненужномъ, игнорируя дѣйствительно важное. Преосвященный недоумѣвалъ, почему это такъ, и неужели же такъ трудно отдѣлать существенное отъ второстепеннаго. Вся эта мелочь очень угнетала его своею массою и показывала воочію, какъ тяжело трудиться, когда приходится разбрасываться и тратить энергію на пустяки.

Наглядно убѣждался онъ въ томъ, какъ много привнесено въ повседневныя отношенія лишняго, когда принималъ за епархіальнаго архіерея просителей, когда выслушивалъ эти многочисленные голоса народной нужды, горя, безысходной тоски. Онъ удивлялся, что къ нему подходили, какъ къ облеченному властью сановнику, а не какъ къ чело-вѣку, желающему глубоко добра. Его поражала обычная робость въ просителяхъ, неумѣнье разобратъся въ своихъ

просьбахъ, гдѣ нерѣдко сквозила грубая наивность, граничившая съ невѣжествомъ. Скучно было выслушивать эти странныя сѣтованія и видѣть, какъ одно появленіе его навело на всѣхъ трепеть и уныніе. Все, очевидно, сводилось къ официальному чинопочитанію и исключало возможность сближенія съ окружающими на иной почвѣ—на почвѣ добрыхъ человѣческихъ отношеній. „Даже старуха-мать, казалось, была уже не та: съ сыномъ она обыкновенно молчала, стѣснялась“.

Свѣтлыя мечты и идеальныя требованія, прилагавшіяся къ жизни еще въ то время, когда у Преосвященнаго сформировывалось міровоззрѣніе и складывались въ извѣстную систему взгляды на окружающее, не заглохли въ немъ потомъ. Онъ хотѣлъ найти въ жизни высшее, лучшее, что, кажется намъ, должно обновить насъ и одухотворить наше существованіе. Вотъ этого-то важнаго и искалъ онъ въ себѣ и вокругъ себя, и это исканіе было нерѣдко для него „томленіемъ духа“ и побуждало оцѣнивать жизненныя явленія съ высшей точки зрѣнія. Тѣмъ глубже было различіе между идеаломъ и тѣми странными формами, въ какія отливалась дѣйствительность. Вся бездушная формалистика, регламентація поведенія „носителей истины“ и ихъ жень, безконечная переписка, безчисленное множество входящихъ и исходящихъ бумагъ, отношенія, протоколы—все это съ очевидностью говорило Преосвященному, что человѣку-то нужно одно только—простое, вдумчивое, безхитрое отношеніе къ окружающему... „Мнѣ бы быть деревенскимъ священникомъ, дячкомъ или простымъ монахомъ—думалъ иногда онъ: меня давить все это“. Давили, конечно, не только официальные обязанности, служенія, приемы, бумаги,—давило сознаніе, что все это *не то*, что нужно, и что главное въ жизни, что такъ трудно осуществить,—не угашать духа...—Тѣмъ цѣннѣе и трогательнѣе „любовь Преосвященнаго къ церковнымъ службамъ, духовенству, къ звону колоколовъ, которая была у него врожденною, глубокою, неискоренимою“. Такое чувство настраивало его на особый тонъ, вызывало умиленіе и слезы, особенно при богослуженіяхъ, когда живѣе чувствовалось стремленіе къ недостижимому идеалу.

Преосвященный Петръ оканчиваетъ совершенно неожиданно—заболѣваетъ брюшнымъ тифомъ, не выносить его и скоро переселяется въ міръ лучшій. Намъ этотъ творческій замыселъ представляется чѣмъ-то символичнымъ,—словно авторъ хотѣлъ рельефнѣе подчеркнуть, что наша грѣшная земля не создана для такихъ праведниковъ духа, и лучшее, что они могутъ сдѣлать, это уйти отсюда...

Очеркъ, повторяемъ, написанъ съ присущею Чехову вдумчивостью и мягкостью и оставляетъ по себѣ глубокое впечатлѣніе. Грустное раздумье автора надъ тѣмъ, насколько сильно влияетъ „власть земли“ даже на лучшихъ людей, проникаетъ повѣствованіе и сообщаетъ ему извѣстный колоритъ.

Епископъ Петръ—не единичное лицо монашествующаго духовенства въ произведеніяхъ Чехова. Въ рассказѣ „Святою ночью“ выводятся послушникъ Іеронимъ и іеродіаконъ Николай, обрисованные также положительными чертами. Первый—натура мягкая, отзывчивая, глубоко чувствующая чудную поэзію церковныхъ пѣснопѣній. Такіе исключительные моменты, какъ святая ночь предъ пасхою, поражаютъ его сердце и приводятъ въ необычайный восторгъ. „Ночь такая... умиляется онъ. Нынче всякой суетъ радуешься. Радуетъ и небо и земля, и преисподняя. Празднуетъ вся тварь... Вотъ вы будете тамъ, господинъ, (въ церкви), вникните, что поется: духъ захватываетъ“. На этой почвѣ сблизился онъ съ іеродіакономъ Николаемъ, о которомъ хранитъ самую нѣжную, самую трогательную память: „теперь я (безъ него) все равно какъ сирота или вдовица... У иного человѣка и матери такой нѣтъ, какимъ у меня былъ этотъ Николай“. —Похожъ на Іеронима и умершій другъ его. Для него также церковныя службы являлись источникомъ высокой и чистой радости. „Для него слаже и писанія не было, какъ пасхальный канонъ. Въ каждое слово, бывало, вникалъ“, передаетъ Іеронимъ. Глубокою нѣжностью дышали отношенія между ними: меня нѣтъ—говоритъ послушникъ—онъ тоскуетъ... И любилъ онъ меня больше всѣхъ... обниметъ меня, по головѣ гладить, ласковыми словами обзываетъ, какъ дитя маленькаго“. Мягкость души сказывается также въ его рассказѣ объ отношеніяхъ Николая къ окружающимъ. „У насъ въ монастырѣ

ни въ комъ нѣтъ мягкости и деликатности, все равно какъ люди простаго званія. Говорятъ все громко, когда ходятъ, ночами стучать, кашляютъ, а Николай говорилъ завсегда тихо, ласково, а ежели замѣтитъ, что кто спитъ или молится, то пройдетъ мимо, какъ мушка или комарикъ. Лицо у него было нѣжное, жалостливое. И намъ вполне понятно, „отчего душа скорбитъ и отчего горько плакать хочется“. осиротѣвшему другу при воспоминаніи о Николаѣ.

Почившій художникъ оставилъ намъ богатое наслѣдство мысли. Его творчество долго будетъ служить не только источникомъ высокаго наслажденія, но и предметомъ изслѣдованія и интереса. Многіе затронутые имъ вопросы глубоки и исключительно жизненны по своему значенію. Въ общемъ созданная имъ картина измелъчанія человѣка, убожества его міровоззрѣнія и ничтожества задачъ поражаетъ цѣльностью и заставляетъ призадуматься. Небольшое мѣсто въ этой картинѣ отведено, какъ мы видѣли, изображенію нашего духовенства. То, что далъ намъ Чеховъ по затронутому вопросу, ясно говорить, что область эта не была чужда его творчеству и воспроизведена достаточно ярко, хотя и односторонне. Своими разсказами Чеховъ запечатлѣлъ въ сердцахъ читателей то, о чемъ всегда тосковала душа его, т. е. какъ безконечно сильна власть дѣйствительности надъ нами и какъ легко превратиться въ „обывателя“. „Авторскую боль“ за человѣка, эту благородную черту его таланта, не трудно усмотрѣть въ тѣхъ очеркахъ, которыхъ мы коснулись. И эта „боль“, это скорбное сожалѣніе о томъ, что такъ дорого и близко каждому изъ насъ, лишній разъ свидѣтельствуетъ, какого „идеалиста земли“, гуманно откликавшагося на все явленія, лишились мы въ лицѣ безвременно угасшаго художника.

А. К.